

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

**Александр
АФАНАСЬЕВ**

**ВРЕМЯ
НАШЕЙ БЕДЫ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А94

Художник *Андрей Мозгалеvский*

Афанасьев, Александр.

А94   Время нашей беды / Александр Афанасьев. —
Москва : Эксмо, 2016. — 384 с. — (Враг у ворот. Фан-
тастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-91218-6

Эта книга — о нашем ближайшем будущем. О будущем, которое, хочется надеяться, никогда не наступит, но выглядит до ужаса реальным. О России, в которой случился свой Майдан и под аплодисменты «общечеловеков» к власти пришли настоящие демократы, для которых слово «патриотизм» — пустой звук. А против них поднялись те, для кого этот звук вовсе не пустой. И так, Россия, год 2017...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91218-6

© Афанасьев А., 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Волчий вой да лай собак,
Крепко до боли сжатый кулак,
Птицей стучится в жилах кровь,
Вера да надежда, любовь.
«За!» — голосуют тысячи рук,
И высок наш флаг.
Синее небо да солнца круг,
Все на месте, да что-то не так.
В небе над нами горит звезда,
Некому, кроме нее, нам помочь,
В темную, темную, темную
Ночь...

Группа «Кино».
«Волчий вой да лай собак»

О чем эта книга...

Эта книга (точнее, серия книг о разных гранях одной и той же проблемы) задумывалась и пишется мной как произведение очень объемное по смыслам и охвату, я бы даже сказал — всеобъемлющее. Толчком к написанию этого послужил Евромайдан. И последовавшие за ним события — мирная, даже сонная, страна всего за полгода скатилась в гражданскую войну. В такую гражданскую войну, в которой не просматривается даже сколь-либо мизерный шанс на примирение. Многие думают, что в России такое невозможно. Увы, возможно, и я хочу показать, как именно это может произойти...

Как-то раз я слышал такое выражение от старого картежника: садясь за стол играть, ты должен за десять минут определить, за чей счет идет игра. Если ты этого сделать не можешь — значит, она идет за твой счет. Здесь, в этой книге, я хочу показать и рассказать, как делаются майданы и как можно в очередной раз развалить страну, даже не спросив об этом ее граждан. Помните, как в 1991-м на референдуме более семидесяти процентов голосовавших высказались за сохранение СССР — и где теперь СССР? Я хочу показать механизмы запуска центробежных сил в стране. Я хочу показать, как ослабление управленческой вертикали перерастает в полномасштабный политический кризис. Я хочу показать, откуда берутся изменники Родины, предатели и убийцы, чем они руководствуют-

ся, как появляются люди, сознательно работающие на обострение обстановки в стране. Я хочу показать, как политический и экономический кризис уходит вглубь и начинает разъедать социальные связи как кислота. Я хочу показать, как, руководствуясь благими намерениями, желая изменить что-то к лучшему, люди открывают врата ада.

Люди! Не голосуйте сердцем, сохраняйте здоровый рассудок. Цените то, что есть, и не ищите врагов друг в друге, кто бы какой национальности, религии или политических взглядов ни был! Не ведитесь на громкие лозунги! И будьте бдительны.

Автор предупреждает, что все события и персонажи в книге вымышлены и не имеют прототипов в реальной жизни. Совпадения имен и названий — случайны.

Приятного чтения...

Пермь, Россия
Аэропорт Большое Савино
Февраль 2017 года

Слезы капаят в чай,
Но чай нам горек без слез...

Група
«Наутилус Помпилиус»

С чего все началось...

Знаете, герой фильма «Солнечный удар», снятого Никитой Михалковым, тоже задавал себе этот вопрос. Задавал, сидя в лагере для пленных русских офицеров, — он ожидал отправки за границу и не знал, что большевики приготовили ему и остальным тысячам русских офицеров, сидящих в лагере, нечто иное...

С чего все началось...

Начну с первого яркого воспоминания, когда я понял, что жизнь выбивается из привычной колеи. Было это два года назад, летом...

В одном из городов России, не большом и не маленьком, за тысячи километров от зоны боевых действий, украинская беженка просила милостыню.

У нее был плакатик и какие-то документы на нее и на ее больного ребенка, документы украинские. Мешая русские и украинские слова, она рассказывала, как ФМС не дает ей гражданство. Русские фашисты, ватаны и запутинцы, кто отворачивался, кто лез в карман за бумажником. Последних было ощутимо больше, чем первых, — люди часто с подозрением относятся к нищим, мол, на бутылку не хватает. Но тут давали многие, понимая, что действительно — надо.

Я тоже остановился. Положил деньги, пошел дальше, стараясь стереть это из памяти... и вдруг услышал, что она нам желает. Не здоровья, как обычно желают нищие. Солнышка она нам желала (сонечка, как она говорила) и мирного неба над головой...

В тот момент я понял... нутром ощутил — что будет беда...

А год назад у меня было застолье... мы сидели, несколько человек... просто сидели за столом. В моей новой квартире я собрал стол по какому-то поводу. Ни о какой политике речи не было, но намечались выборы в Думу... Речь зашла о том, кто за кого будет голосовать... просто кто-то кого-то спросил, и начали обсуждать. Дошло до меня, голосовать я намеревался за «Единую Россию», и тут... когда мне надо было отвечать, я вдруг понял, что не могу ответить прямо и спокойно на этот вопрос. На автомате отшутился — мол, не решил еще — и потом поймал себя на мысли, что что-то не то.

Почему — не то? Да потому, что мой выбор — это мой, блин... выбор, и я как хочу, так и голосую. Считаю необходимым голосовать за «Единую Россию» — так и голосую за нее, а почему сказать-то об этом не могу? Почему я на подсознании посчитал, что говорить об этом нельзя, чтобы не разрушить атмосферу за столом?

В конце концов, почему за оппозиционные партии голосовать — нормально, и говорить об этом — нормально, а за партию власти — голосовать нельзя? Или можно, но впопыхах? Это речь о «Единой России» — или в принципе в России власть поддерживать стыдно, а быть в оппозиции — наоборот, почетно? Это нормально? Нет, это ненормально. А что делать, если оппозиционная партия победит на выборах и станет властью? За нее тоже станет голосовать постыдно — сразу или через какое-то время?

А как тогда вообще должна сменяться власть? И как она должна взаимодействовать с народом, если народ, по крайней мере думающая его часть, — априори в оппозиции ко всему, что предложит власть? Почему у нас нет нормальной общественной дискуссии относительно тех или иных шагов и действий — а есть какая-то подростковая непопора? Как будто в нас гор-

моны играют и мы воспринимаем в штывки все, что говорят нам родители.

Это нормально, нет?

Что касается меня самого, то я обычный человек. В США я был бы WASP, белый англосаксонский протестант, основа общества. Я не англосакс, обычный русский. Православный, точнее, крещеный — в церковь почти не хожу, но в Бога верю и стараюсь жить по десяти заповедям. Работаю, занимаюсь делами — частный предприниматель. Собственник — есть и квартира, и машина, и загородный дом... в общем, не бедный и не богатый. Любитель оружия — стрелять умею неплохо, и оружия у меня дома в достатке и неплохого. Пишу книги... это мое хобби, которое превратилось в нечто большее... сам не знаю во что.

Семьи у меня пока нет. Отношения есть, а семья не складывается. Сам не знаю почему. Возможно, потому что я самовлюбленный идиот и эгоцентрист. Возможно, потому что я помню девчонку, с которой встречался еще в пору моей юности, и с тех пор всех остальных сравниваю с ней. И сравнение они проигрывают...

В общем, в тот день у меня были дела в Перми, а потом мне надо было в Москву лететь. Я примерно прикинул: махану в Пермь на машине, потом оставлю ее у друга на стоянке, рядом с его машиной, махну в Москву самолетом, потом самолетом же и вернусь в Пермь. Машину я недавно обновил по случаю — «Мерседес» G-класса, но ему десять лет, так что взял недорого. А машина крепкая, лет пять-семь точно отъездит, ничего не сделается...

Про то, что делается в стране, я... знал, конечно, а кто не знает. Напряженка, конечно, была — все относительно выравнилось, но не до конца. Цена на нефть колебалась в пределах семидесяти-девяноста долларов, постепенно выходя к верхнему пределу. Дело было в том, что американцы со своей технологией сланцевой нефти — как только цены проходили семь-

десять пять—восемьдесят — начинали бурить, качать и обваливали рынок. Вся суть сланцевой технологии заключалась в ее гибкости — это не фонтанирующая скважина, которую не заткнешь, не погубив. Цены растут — буришь и качаешь. Цены падают — высасываешь то, что есть, и дальше не буришь. Я интересуюсь этими технологиями, говорил со специалистами — они говорили, что сланец в смысле запасов — это бомба замедленного действия, потому что исчерпывается месторождение очень быстро и где-то в первой половине двадцатых годов стоит ждать обвального падения сланцевой добычи в США и такого же резкого роста цен на нефть. Но это ожидалось в двадцатые, а жить надо было прямо сейчас.

В общем-то, этот уровень цен позволял нам существовать весьма сносно, не как в тучные годы, конечно, но сносно. Тем более что за последний год цена ниже восьмидесяти пяти не ходила, говорили, что это преддверие прорыва уровня девяносто и выхода на сто пятнадцать — сто двадцать. Но своих проблем добавляли санкции. В Украине — тлела война. Заключенное в Минске перемирие действовало, прерываясь взрывами и перестрелками по всему юго-востоку Украины. Нас обвиняли в поддержке терроризма, и, в общем-то, правильно обвиняли, но нам ничего другого не оставалось. Были, конечно, и трезвые головы, говорившие, что Украина — это капкан, в который попала вся Европа, и добром это не кончится... но их голос тонул в гвалте политологов, военных, журналистов и прочая, прочая, прочая. Не думаю, что в Европе все были настроены против России — но медийное пространство было против нас почти полностью.

Что же касается нашего внутреннего пространства — недовольство было. А как ему не быть, когда приходится затянуть пояса. Тем не менее — какого-то краха, обвала не было, рубль стабилизировался в районе пятидесяти пяти за доллар, смотрел ниже. Экономика работала. Постепенно росли зарплаты. Но вот недовольство все-таки было, и базировалось

оно на кем-то вброшенной мысли, что корень наших проблем — в теперешней власти. Точнее, даже не в теперешней власти, а в ее конкретных персонажах, которые вызывают у Запада аллергию одним своим видом. Убрать их — и дело пойдет на лад. Договоримся с Европой, снимут санкции, будет все как раньше...

Я-то понимал, что как раньше уже не будет. И другие — у кого голова на плечах — это понимали. Шито-крыто — не сделаешь, трупов слишком много. А с другой стороны, убитые, попавшие в застенки, запятанные, расстрелянные люди, которые дрались и умирали за право быть самими собой — русскими! Такое тоже не прощается...

Нет, назад не отвернуть. Мы убивали друг друга. Нас теперь боятся, мы подтвердили самые худшие из опасений. Мы продолжаем сражаться — взрывы гремят по всей Украине. Мы ничуть не изменились, мы какими были, такими и остались, все это понимают. Санкции на нас не подействовали, из санкций осталось только одно — прекратить покупать у нас нефть и газ, при этом цена разом взлетит до ста пятидесяти, у нас вот-вот вступит в строй газопровод в Китай, а Европа — уйдет на дно, в рецессию. Мы сами вычеркнули из списка все возможные решения проблемы, кроме большой войны.

Что касается меня лично, то деньги я, конечно, посылал. Но не более. Донбасс и его дело поддерживал — но ехать туда как-то в голову не приходило. У меня тут свои дела — хотя я лично знал тех, кто поехал...

Прошли выборы. Сюрпризом которых стали даже не результаты партии власти, а провал объединенной оппозиции, на которую открыто делали ставки и Запад, и многие люди в Москве. Их процент — меньше десяти — был насмешкой, совершенно несообразным тем деньгам, которые в них были вложены, и тем медийным персонам, которые были под это дело подписаны. Было понятно, что хоть в Думу они проходят, никакого реального веса они там иметь не будут. Так-

же стало ясно, что выборы президента они проиграют вне зависимости от того, кого они выставят единым кандидатом (если договорятся до единого). При поддержке менее десяти процентов — рассчитывать не на что.

Тогда в столице начался Майдан.

Это, конечно, не называлось Майданом, это называлось «Евроманежкой» и, конечно же, было направлено против фальсификации результатов выборов. Говорить о фальсификациях было смешно... сколько им там скинули? Два, три процента — ну, даже пять. И что? Все равно — что с двумя, что с тремя, что с пятью ничего не изменится — выборы они проиграли. Майдан — тоже был не такой, как в Киеве, — довольно мирный, власти Москвы почему-то отнеслись к нему лояльно... возможно, потому что опасности не видели. Рядом, на Красной, шумел Антимайдан, часть, конечно, собрали по разнарядке, но часть горожан пришла сама. Между Манежкой и Антимайданом были сплошные цепи ОМОНа и Нацгвардии. Больше всего — власти опасались не Манежки, а столкновения Манежки и Антимайдана. Драки в городе, судя по сообщениям с Интернета, происходили регулярно, но ничего серьезного...

На этом фоне я приехал в Пермь, порешал свои дела, сходил, посмотрел помещение, которое было нужно, — потом мы с другом на моей машине поехали в аэропорт. Он отгонит ее обратно и поставит, я на него доверенность оформил.

И вот сижу я в аэропорту, жду задерживающегося рейса — и вдруг на телеэкране экстренный выпуск новостей. Народ начал к экранам подтягиваться, я следом.

Драка в Химках, массовая, по-видимому, между сторонниками и противниками Майдана, переросшая в массовые беспорядки. Пока ничего не известно, но, по неофициальным данным, несколько погибших...

Приехали...

Драки были и до этого — но до той поры все ограничивалось драками между националистами и приезжими. И погибших не было...

Пошли другие новости... стали расходиться по местам, но впечатление осталось... скверное. Тут объявили посадку, и я пошел на выход...

Москва, Россия **20 февраля 2017 года**

Самолет из Перми садился в Шереметьево — один. Было вьюжно, снежно... нехорошо, короче. Но мне не привыкать...

Вещей со мной было немного, пошел искать такси. На аэроэкспрессе дешевле — но мне прямо в город надо, и сегодня же я уеду обратно. Надо деньги передать и документы забрать — все...

Контора, где работал мой друг Вадик, располагалась недалеко от Арбата, там еще представительство афганской авиакомпании «Ариана» рядом. Секретарем у него работала красивая девочка Анечка, родом из Киева, под которую я привычно, на автомате так, подбивал клинья. Пока ни на что не рассчитывая — на что рассчитывать, если я в Москве одна нога тут — другая там. Но если девушке купить красивый букет и сделать пару комплиментов — от меня не убудет. А потом — может, и пригодится...

Назвал таксисту адрес. В машине — обычной «Дэу» — было тепло, на салонном зеркале заднего вида висела георгиевская ленточка. Уже в аэропорту я почувствовал неладное... какое-то напряжение, разлитое в воздухе...

— Что у вас тут, спокойно? — обратился я к водителю.

— Да ни фиги не спокойно!

Водитель остро глянул на меня через зеркальце, видимо, решил, что я заслуживаю доверия. На неполживого не похож, это верно.